

УДК 101

Г.Л. Тульчинский, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

e-mail: gtul@mail.ru

В.В. Миронов, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, декан философского факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Б.В. Марков, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

e-mail: b.markov@spbu.ru

Р.Ю. Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

e-mail: rafat54@mail.ru

А.М. Максимов, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»

e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

В.А. Бажанов, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

e-mail: vbazhanov@yandex.ru

И.А. Беляев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

e-mail: igorbelyaev@list.ru

ЧЕСТНОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ

В рамках заочного круглого стола объектом обсуждения явилась многомерная проблема честного философствования, которая приобрела в наше время значительную актуальность. Г.Л. Тульчинский, размышляющий о философии как мыслительной практике, помогающей человеку найти своё кредо, самоопределившись в бытии, отмечает, что признак честности присущ ей органически. В.В. Миронов, критически оценивающий современные реалии, обращает внимание на то, что философия не только возникает, но и успешно реализует свой потенциал в условиях подлинной демократии, обеспечивающей наличие политической свободы. Б.В. Марков, поднимающий вопрос о погружённости современной философии в мир страданий, высказывает мысль о том, что люди, существующие в условиях нехватки смысла, могут найти жизненную опору в морали. Р.Ю. Рахматуллин, признающий невозможность существования однозначных ответов на мировоззренческие вопросы, полагающий всякое знание одновременно объективным и субъективным, оправдывает этим множественность философий. А.М. Максимов, упоминающий о богатстве истории примерами честного философствования, показывает, что человек, познающий мир, всегда стоит перед выбором между лёгкими, но недостойными путями получения искомого и трудным путём поиска смыслов с опорой на честь и совесть. В.А. Бажанов, акцентирующий необходимость искоренения греха плагиата, осмысливает, описывает и предлагает использовать в нашей стране зарубежный опыт борьбы с феноменом «теневой науки». И.А. Беляев, сопоставляющий содержания понятий честности философа и его чести, утверждает, что они, будучи атрибутами любви к мудрости, являются собой оборотные стороны друг друга.

Ключевые слова: бесчестное философствование, мораль, объективное знание, плагиат, политическая свобода, философ, философия, философское знание, философствование, честное философствование, честность, честь.

Заочный круглый стол, материалы которого представлены ниже, был организован по инициативе редакции журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции». Участниками круглого стола стали философы из гг. Санкт-Петербурга, Москвы, Оренбурга, Уфы, Комсомольска-на-Амуре и Ульяновска. Подготовленные ими материалы содержат информацию о различных аспектах проблемы честного философствования. Темы отдельных рассуждений сформулированы их авторами – участниками круглого стола.

Г.Л. Тульчинский:

«Честная философия»

Честь, как и стыд – суть социально-культурные эмоции, связанные с соответствием или несоответствием личности, её поведения, поступков – нормам, принятым в данном социуме. Причём, если стыд – эмоция, связанная с внутренней оценкой (самой личностью) её несоответствия представлению о желаемом должном, то честь – оценка внешняя, со стороны других членов данного социума, носителей культуры, к которой относится субъект (личность, в некоторых случаях – группа). В этом плане, честь – корпоративна по самой своей природе. В некотором смысле, она всегда – «честь мундира». То, что гусары могли позволить себе относительно штатских или драгун, был недопустимо по отношению к другим гусарам. То, что мог дворянин позволить себе по отношению к крестьянке, было недопустимо по отношению к дворянке. Более того, честь – феномен, свойственный, прежде всего, жёстко регламентированным социумам, в которых на первом плане не человек, а определённый статус, место в иерархии: армия, места лишения свободы, криминальные сообщества, тоталитарные секты. Именно там «честь знают» и «честь отдают».

Какое отношение это имеет к философии? Ну, разве что, в плане корпоративных отношений в конкретном философическом сообществе: школе, направлении, диссертационном совете... Позитивная оценка, признание соответствия, заслуг (оказание чести) может порождать чувство гордости. Но всё это к собственно философии имеет отношение косвенное, будучи связано с позиционированием философствующей личности – не более.

Организаторов круглого стола, скорее всего, интересовало не столько позиционирование философа, сколько качество философствования. Но и говоря о «честности», никак нельзя уйти от оценочности – соответствия неким правилам и образцам, прежде всего – нравственным. Быть честным в мыслях и поступках – означает не лгать и не уклоняться от ответственности за сказанное и сделанное.

Но тогда любому, даже мало-мальски знакомому с историей философии, ясно, что философия как определённая мыслительная практика, по самой своей природе не может быть нечестной. «Нечест-

ная философия» – оксюморон в той же степени, что круглый квадрат или железная деревяшка. Философия задаётся предельными вопросами человеческого бытия – что есть мир, общество, моё Я, его место в мире и обществе, в чём смысл моего существования и как возможно познание мира, общества и самопознание. Важно, что философия не столько формулирует ответы на эти вопросы, сколько вновь и вновь формулирует их в постоянно изменяющейся исторической, цивилизационной обстановке, в новых жизненных ситуациях. И если человек задаётся такими вопросами, то они имеют для него не праздное или конъюнктурное значение, а связаны с его самоопределением, нахождением своего жизненного кредо, «столпа и утверждения истины».

И в таких ситуациях философствования человек не может быть нечестным по отношению к себе и миру. Он может заблуждаться, но не быть нечестным. Кто когда-нибудь задавался такими вопросами, помнить обострённое, напряжённое переживание поиска истины, сопричастности бытию. И за эти свои поиски, за этот свой опыт, его реализацию, философы нередко отвечают самой своей жизнью: Сократ, Б. Спиноза, П.Я. Чаадаев, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, В.С. Соловьев, Г.Г. Шпет, М. Хайдеггер, М.К. Мамардашвили, – ряд можно продолжать.

Но в жизни встречаются случаи лжи, лукавства, манипулирования другими. И для таких практик есть свои названия: схоластика, идеология, пропаганда... Но к собственно философии эти практики уже отношения не имеют. Одно дело – работа ума и души в поиске ответов на предельные вопросы бытия. И другое дело – использование результатов этой работы в решении идеологических, политических задач.

Любопытно в этой связи отношение к философам. В спокойное время к ним относятся как к юродивым, людям «не от мира сего». Ну, кто ещё может посвящать своё время поиску смысла жизни, рассуждать о непознаваемости мира как такового?... Но зато в кризисных ситуациях именно философы оказываются «первыми на раздаче» – оказывается, они не тому и не так учили... Но это уже вопрос о ханжестве общественного мнения, а не о «честном философствовании».

В.В. Миронов:

«Политическая свобода и философия»

Возникновение философской мысли, в своей квинтэссенции концентрировано выражающей честное философствование, произошло, как свидетельствует история, в условиях наличия политической свободы.

В философии существует такой приём, когда понятие определяется, через своеобразное «отсечение» смыслов, указывающих на то, чем данное понятие быть не может. В этом отношении в качестве смысла, противоположного «свободе», часто назы-

вают «необходимость». Соответственно разрабатываемая проблема локализуется в плоскости решения вопроса о соотношении свободы и необходимости. Но тут, безусловно, нужны уточнения. Необходимости противостоит случайность, а свобода вполне может совмещаться с необходимостью. Более того, необходимость может, в том числе, задавать вектор свободного выбора того или иного действия или поступка.

Одной из граней свободы выступает свобода политического существования индивида, которая во многом определяет другие проявления свободы в обществе [7]. Но при этом важно уточнить, что демократическая свобода не сводима лишь к голосованию, хотя бы по причине того, что истина имеет мало отношения к количеству её поддерживающих и выражающих. Как известно, Сократ был осуждён своими соплеменниками весьма демократичным образом, как и приход Гитлера к власти был осуществлён на вполне демократической основе. Иначе говоря, упрощённое понимание, а тем более реализация демократии может быть очередным средством манипуляции общественным сознанием, причём весьма эффективным в современных условиях, что определяется использованием новейших медийных технологий.

Истинная политическая свобода связана с набором некоторых условий, которые могут её обеспечить в обществе. Так, отделить свободу от социальной правды невозможно. Обманутый человек не способен к истинному политическому выбору. Люди, оказавшиеся объектами манипуляции, не могут приблизить страну к истинной цели её развития.

Соответственно условием политической свободы выступает общедоступная информация о действующих политиках и о подлинном положении дел в стране. Управление обществом следует доверять не властолюбцам и карьеристам, а людям свободным, ответственным и умным. К числу необходимых условий относится также действенный и постоянный общественный контроль за народными избранниками. Но такие требования к государственно-политическому устройству не выполняются даже в развитых демократических государствах.

Сегодня в мире разворачиваются процессы глобализации, оказывающие значительное воздействие на жизнь общества, социальных групп и конкретных людей, на системообразующие компоненты культуры. Философски анализируя любой процесс развития, мы должны понимать, что оно всегда находит воплощение через борьбу противоположных тенденций и сторон.

Одним из важнейших следствий глобализации выступает расширение информационно-коммуникативного пространства, что порой выглядит как едва ли не абсолютная информационная свобода. Здесь понятие свободы подменяется понятием до-

ступности информации без понимания возможности новейших технических мультимедийных средств ею манипулировать, тем самым влияя на человеческое сознание, которое воспринимает это как свободную информацию.

Особое воздействие такая система оказывает на молодое поколение, сформировавшееся в условия существования пространства глобальной коммуникации, в большой степени адаптированное к нему, в том числе и в виде привычки «поглощать» информацию. Однако не всегда осознаётся, что в таких условиях событием часто выступает не факт как таковой, а его медийная конструкция. А это – мощнейшее средство манипуляции сознанием через навязывание информации как объективной, хотя, по сути, медийная конструкция может выступать лишь как средство имитации, воздействующее на сознание людей.

Глобализация несёт человеку массу положительных моментов, в первую очередь связанных с увеличением комфорта в его повседневной жизни, от чего трудно, в принципе, а для большинства просто невозможно, отказаться. В то же время здесь происходит своеобразная стереотипизация личности и её поведения, которое подчиняется законам массовой коммуникации. Тиражируются культурные ценности, формируется привыкание человека к ним. Привычное трудно переживать эмоционально, восхищаться же им невозможно.

Процессы глобализации превращают политическую демократию в систему манипулирования человеком и обществом.

Демократия античной Греции, по Г.В.Ф. Гегелю, – это *политическое художественное произведение*. Философ стремился показать, что в данной форме политической организации общества находит место синтез объективного и субъективного. Греческая демократия, при безусловной эгалитарности её формы, явилась для своей эпохи воистину уникальной формой политического правления. Она смогла слить воедино объективное и субъективное в самосознания общества и развитии человека. Демократия породила благоприятные условия для реализации свободы индивидуума, не находящейся в сильной зависимости от государства. Греческое государство не определяло индивидуальность своих граждан, напротив, их индивидуальность определяла фундаментальные свойства государства [4].

Демократическое государственное устройство, в максимальной степени способствующее реализации внешней и внутренней свободы человека, явилось главенствующим условием *появления философии*. Гегель высоко оценивал древнегреческую философию. Он полагал философию принципиально свободным мышлением, которое не реализуемо без должных политических предпосылок. Философия возникает при наличии у мыслящего человека практической свободы (с учётом её относительно-

сти). «Вследствие этой общей связи политической свободы со свободой мысли философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется свободный государственный строй» [3, с. 143].

В условиях свободы человек получает возможность самореализации. Растёт его самосознание и сопряженная с ним ответственность. Даже будучи ограниченным внешними условиями и обстоятельствами, философ может оставаться внутренне свободным. Таким образом, предпосылкой развития философской мысли выступают как внешние условия существования личности (которые всегда остаются относительными), так и внутренняя готовность к свободному мышлению, независимо от условий. И, в этом смысле, развитие философии как самосознания эпохи выражает собой тенденцию нарастания степени свободы личности и роста самосознания человечества в целом.

Б.В. Марков:

«Философия в мире страданий»

Проблемы, волнующие честного человека, в уважаемой академической среде обычно обходят стороной. Действительно, сегодня разговор о страдании, ужасе, смерти, зле и абсурде встречаются таким же вежливым молчанием, как попытку поднять проблему голода в странах третьего мира. Как увязать возросшую чувствительность к страданию с бегством от неприятных мыслей о смерти, болезни, голоде и прочих несчастьях? И о какой чувствительности можно говорить, если ни о чём так мало не думает современный человек, как о страданиях других людей. Удивительным образом ленты новостей притупляют чувство сострадания. Бесконечные репортажи о несчастных случаях, авариях, катастрофах, нападениях террористов, убийствах делают нас бесчувственными по отношению к жертвам. Да и они ждут не нашего сочувствия или помощи, а компенсации ущерба. Поэтому дело тут не в людях, отпавших от христианства, а в медиа. Чрезмерная демонстрация чужих страданий делает человека слепым, глухим, толстокожим. Это условие самосохранения.

Популярность искусства и философии, спекулирующей на боли, насилии, смерти, определяются тайным влечением ко всему ужасному. Эстетизация страдания несовместима с теодицеей и антроподицеей. Конечно, если наш мир – это худший из миров, так как в нём полно абсурда и нет единства, то утешение присущими философии аксиомами разума есть не что иное, как проявление инфантилизма. Но и попытки пугать людей страшилками забвения бытия и нигилизма представляют собой способствование истерии.

В поисках выхода можно допустить такую картину мирового порядка, где нет единства, но есть целостность. Подобно Канту, мы считаем зло не-

избежным, но не верим в его искупительную силу, а пытаемся научиться жить со злом. Стоики учили, что зло не субстанциально. То, что нам кажется его проявлением, на самом деле вполне естественно. Например, смерть, внушающая человеку ужас, является неизбежным завершением жизни, и поэтому нужно научиться достойно её принимать. Возможно ли согласование смерти и счастья? Если жизнь – это постоянный выбор неравного, то смерть уравнивает все различия. Безразличию смерти противостоит напряжение жизни, которая требует борьбы и терпения. Научиться рассматривать любые вещи без какой-либо иллюзии, заглянуть в бездну ничто, где всё заканчивается, и, тем не менее, мужественно принять свою конечность – это, скорее, истина, чем счастье.

Сегодня мы понимаем философствование как форму мыслящей жизни. Путь философа охватывает опыт своей эпохи, своего поколения. Человек философствует из-за нехватки смысла. Нехватка смысла характерна не только для индивида, но и для общества, как потребность в том, чего нет, но что кажется возможным. Нехватка смысла проявляется в том, что человек не чувствует себя в мире как в доме, не находит в нём места. Не хватает мира как целого, не хватает сопричастности отдельных частей целому.

В этих условиях возможны три варианта существования:

1. Открыть за этим распавшимся миром новый, более гуманный и целостный.
2. Жить в распавшемся мире без надежды на восстановление его целостности и смысла.
3. Создать мир, достойный нашего разума.

Именно в таком положении живет и мыслит современный человек. Если смысла нет и не будет, не остается ничего иного, как вернуться к тем детским временам, когда он был. Так прошлое становится настоящим. Это надо понимать не как бегство от реальности, а наоборот, как поиск исходной точки. Ребенок – это и есть «сверхчеловек». Но как раз с детьми больше всего проблем. Пожалуй, с первым протестом против страданий людей во имя истории и, тем более, обогащения немногих, выступил В.Г. Белинский. По мнению Л. Шестова, это направлено не только против гегелевского определения действительности как разумной, но и противоречит всему тому, во что верил сам Белинский, остававшийся романтиком, несмотря на неистовую критику язв мира [20]. Протестуя против оправдания страданий и гибели ни в чём не повинных детей, Ф.М. Достоевский, несомненно, нанес самый чувствительный удар по вере в Бога, в разумность и совершенство мироздания. Как бы не упражнялись адвокаты Бога и Разума, им нечего возразить против аргументов Достоевского. Гуманисты и моралисты ходят по дорожкам и давят червей, которые бесслесно гибнут. Возможно, они не чувствуют

боли. А как быть с детской смертностью? Взрослый хоть как-то может размышлять и даже оправдывать свои страдания. Ребенок же просто мучается. У нас нет ответа на вопрос, за что страдают дети.

Оценка страдания детей как абсолютного зла, непримиримого с гипотезой о фундаментальной доброте бытия, вызвана «смертью Бога». Если бы вера в Бога сохраняла свою достоверность, то несчастья детей, какими бы великими они ни были, не показались бы бессмысленными. Мы отвергаем все попытки разрушения морали. Но моральные размышления о страданиях невинных детей разрушают веру в Бога. Мораль блокирует теологический аргумент, оправдывающий страдания детей. Решив, что видимая несправедливость Бога скрывает более высокую и непостижимую для нас справедливость, мы сочтем страдание детей оправданным. На самом деле детские страдания представляют собой абсолютное зло, ибо ребенок не может выносить пытки с твердостью стоика. Он не может интерпретировать зло как условие добра, приписывая своей боли сверхъестественный духовный смысл. Ребенок не рефлексирует, он испытывает боль, не обладая способностью расти за счет боли. Поэтому страдание детей – это нестираемое пятно на творении Бога, и одного его достаточно, чтобы никакая теодицея была невозможна. Вера должна пошатнуться, она должна поселиться в сомнениях и сгореть, иначе мы будем жить в абсурде.

Мы тоже виноваты в том, что отвечаем лишь умеренным сочувствием на бесконечную боль ребенка. Мы виновны в бытии, потому что мы отворачиваемся от несчастья другого, от страдания ближнего, которое всегда где-то имеет место. Э. Левинас писал, что само присутствие другого, страдающего в каком-либо месте мира, делает нас виновными [11]. Но теория ответственности самого Левинаса строится с учетом того, что чаще всего нас не спрашивают, например, хотим ли мы появиться на свет, и, тем не менее, призывают к ответственности. Реалистично говоря, мы вынуждены отвечать за то, в чём не виноваты. Поэтому вместо ответственности за другого необходим опыт ответственности перед другим. Вина каждого человека состоит в том, что он отделяет себя от других, не считает себя солидарным с другими и, таким образом, не страдает за других так же, как за себя: М. Конш утверждал, что можно говорить не только о взаимной ответственности, но и о взаимной виновности, которая связывает всех людей между собой неразрывными узлами [9]. Мы делаем вид, что нет никаких контрастов в том, что другие голодают, а мы живем в достатке, что мы цивилизованные, а другие варвары. Кантовский императив обращен к индивиду. Новый категорический императив предписывает современному человечеству сохранение условий существования для будущих поколений. Это лежит в основе принципа ответственности Г. Йонаса [8].

Мораль требует, чтобы мучения человечества уменьшались и, при этом, чтобы собственные мучения при виде чужих мучений росли. Любить – значит разделить судьбу другого человека. И всё же, как доказывал Ф. Ницше, фундаментальным условием существования является преступное забвение, онтологически обусловленное нашей замкнутостью в границах «себя». Можно страдать вместе, но искать страданий бесполезно. Всякая воля к страданию втайне порочна и лжива.

По старой доброй православной традиции мы всё оцениваем через призму добра и зла. Это честный, но, пожалуй, слишком радикальный критерий. Он годится в чрезвычайных, кризисных ситуациях. Но в условиях мирной и относительно благополучной жизни важны нормы и критерии оценки, так сказать, «второго эшелона»: стыд, совесть, прощение, извинение, сострадание и, конечно, терпение, уважение и благодарность. Эти этические акты чрезвычайно важны в повседневной жизни для восстановления нормальных отношений между людьми. В жизни мы не сталкиваемся с абсолютным злом. Как говорится, дьявол к нам не приходит лично. Мы должны научиться избегать опасностей, а в случае конфликтов по-человечески выходить из затруднительных ситуаций. Именно благодаря им создаётся то, что можно назвать моральной общностью.

Р.Ю. Рахматуллин:

«Об объективности философского знания»

Эта тема была весьма актуальна в период господства марксистско-ленинской философии в СССР и так называемых государствах социалистического лагеря. Она была тесно связана с главенствующим принципом партийности, классовости философии, сформулированной в работах классиков марксизма. Например, В.И. Ленин писал, что «беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе» [12, с. 40]. Но тогда возникал вопрос: если марксистская философия «пристрастна», то как она может быть объективной и научной? Аргумент был один: она отражает взгляды самой многочисленной и прогрессивной части населения – трудящихся, которая не может ошибаться. Поэтому партийность философии совпадает с научностью только в марксистско-ленинской философии: «буржуазная» философия партийна, но не научна. Были попытки распространения такой парадигмы даже на естествознание. О вреде, причинённом ею науке и отечественной философии, вспоминает, в частности, П.В. Алексеев. Он приводит пример, когда в 1948 году на заседании ВАСХНИЛ усилиями учёных-марксистов генетика была объявлена лженаукой [1]. По мнению автора, заразная парадигма исключительной научности и объективности марксистской методологии окончательно сформировалась уже к 1922 году; её сим-

волическим выражением служит «философский пароход» – высылка из советской России 224-х философов, экономистов, писателей, журналистов, не согласных с марксистской идеологией [1].

Определённое рациональное зерно в рассуждениях классиков марксизма о классовости философии, думается, есть. Философия является видом мировоззренческого знания, представляющего собой совокупность убеждений человека. Философские убеждения отличаются от других тем, что они значимы для всех, касаются жизни каждого человека. Это вопросы о смысле жизни, счастье, справедливости, существовании высших сил, истине, физическом и социальном мире, в который мы заброшены и т.п. В Новое время в европейской философии становится актуальным и вопрос об объективности тех знаний, которыми мы вооружены. Как известно, однозначных ответов на мировоззренческие вопросы не существует. Это связано с тем, что убеждения человека формируются в течение его жизни, а жизнь у нас разная. Насколько сходны условия жизни людей, настолько тождественны и их убеждения, их философия. Поэтому совокупность близких по содержанию ответов на мировоззренческие вопросы и формирует ту или иную философию – марксистскую, позитивистскую, экзистенциальную, религиозную и т.д. А совокупность этих философий образует то, что мы называем философией вообще, как, например, называют совокупность математик – арифметику, геометрию, теорию множеств и т.д. – математикой. Поэтому философия как феномен культуры существует как множество философий.

Является ли какая-то из этих философий наиболее объективной? Видимо, нет. Разве философия Платона отличается объективностью от философии Декарта, а постмодернизм Дерриды от конструктивизма Канта? Каждая философия отражает интересы определённого страта с его ценностями, культурой, условиями существования. И в этом марксисты правы. Но они не правы в том, что представляют развитие философии как кумулятивный процесс, в котором философские системы образуют иерархическую лестницу движения от относительных истин к абсолютным, и последней ступенью этой лестницы является марксистская философия.

На наш взгляд, максимумом объективности обладает лишь философия в целом, понимаемая как совокупность философий. А абсолютной объективностью не обладает даже и философия в целом. Почему? На этот вопрос отвечает конструктивистская философия науки: поскольку всякое знание (в том числе, и философское) является продуктом деятельности субъекта познания, действующего в определённых условиях, то особенности познавательного процесса обязательно отражаются на результате познания [17]. По этой причине абсолютно объективное знание невозможно. Знание всегда и объек-

тивно (поскольку зависимо от особенностей объекта), и субъективно (поскольку является продуктом субъективной деятельности).

А.М. Максимов:

«Честное философствование как атрибут философского познания»

Задаваясь вопросом, что же такое честное философствование, я невольно вспоминаю Сократа и Д. Бруно, поплатившихся жизнью за свои убеждения. Приходят на память Б. Спиноза, И. Кант, К. Маркс, В.С. Соловьёв и другие выдающиеся представители мировой философии как прошлого, так и настоящего, честность философствования которых заключается в их способности органично сочетать широту своих знаний с прочностью убеждений и непреходящей значимостью идей. Вспоминаются также имена множества иных философов, внесших, может быть, не столь существенный вклад в развитие философской мысли, но честно философствовавших. В этой связи на память приходит эпизод из студенческого прошлого. Уважаемый профессор В.И. Копалов на полях работы одного из студентов нашего курса указал источник, из которого тот некорректно позаимствовал материал. Шли восьмидесятые годы, когда ещё не было компьютерных программ, позволявших уличить человека в плагиате. Однако трудно передать глубину возмущения, недоумения и непонимания со стороны сокурсников по отношению к проступку этого студента. Да и самому ему, как мне показалось, стало стыдно за содеянное.

В то время в нашей стране господствовала марксистско-ленинская философия, которая внесла существенный вклад в развитие философской мысли. Её сторонники, будучи глубоко убеждёнными в правоте своих суждений, честно философствуя, порой недооценивали значимость иных философских течений и направлений. Однако следует отметить, что были и такие философы, которые априори обвиняли коллег в «буржуазных извращениях», навешивали ярлыки тем, кто в чём-либо отступал от ортодоксального марксизма. В результате сформировалась определённая система знаний и ценностей, способная породить в сознании некоторых молодых людей желание приобщиться к ним без особых усилий. Это вело к возникновению идейного иждивенчества и, соответственно, к появлению интенций к нечестному философствованию. Однако высокие конкурсы на вступительных экзаменах в вузы были своего рода «ситом», дающим «пропуск» в мир философии молодым людям, искренне стремящимся получить глубокие философские знания и приобщиться к искусству философствования. Благоприятной предпосылкой формирования культуры честного философствования у студентов философских факультетов являлся и высокий уровень квалификации профессорско-преподавательского

состава. Так, например, я, как и многие мои товарищи, обучавшиеся в те годы на философском факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького, с чувством восхищения и глубокой благодарности вспоминаю тех, кто приобщал нас к подлинному философствованию. Богатые по содержанию, мощные по силе воздействия лекции Д.В. Пивоварова, К.Н. Любутина, И.Я. Лойфмана, А.К. Кикоина, В.Т. Зверевича, В.В. Скоробогачко, В.Е. Кемерова, А.В. Перцева, В.И. Колосницына, А.В. Медведева и многих других одухотворяли, возвышали, порождали интенции к глубоким философским изысканиям.

Безусловно, этот путь тернист и труден, поскольку честное философствование предполагает опору человека как на свои убеждения, честь и совесть, так и на глубокое знание различных подходов, точек зрения на предмет исследования. В поисках истинного знания человек порой заблуждается, принимая несущественное за существенное, неистинное за истинное и т.д. Сложившуюся систему взглядов он приводит в соответствие со своим внутренним духовным миром и на протяжении многих лет может быть глубоко убежденным в правоте собственных суждений. С вновь же открывшимися обстоятельствами человек, ориентированный на честное философствование, как правило, корректирует, а порой и кардинально изменяет систему взглядов. Такой духовный опыт пережили С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, отказавшиеся в своё время от религиозных убеждений, а затем вновь возвратившиеся в «лоно» церкви.

Не утратила своей актуальности данная проблема и в наши дни. Человек XXI века, так же как и представители прошлого, стоит перед выбором: либо искать легкие пути к ответам на вызовы современности, либо вдумчиво и кропотливо осмысливать возникающие проблемы, руководствуясь народной мудростью: береги платье снову, а честь смолоду.

В.А. Бажанов:

«Об опыте борьбы с плагиатом»

Этот научной деятельности предполагает безусловно честное – во всех смыслах этого понятия – исследование. Включая, конечно, и философское исследование. Однако феномен «теневого науки» (термин, введенный мною ещё в 1991 году именно на основании анализа ряда философских работ [2, 21]), когда научная деятельность грубо нарушала этические нормы, имел место уже в СССР. В новой же России этот феномен расцвёл. О его масштабах позволил судить прогресс в области информационных технологий. Я затрону лишь наиболее острый его аспект, связанный с плагиатом.

К сожалению, плагиат встречается в любом государстве – развитом и не очень. Вопрос в его масштабах. Где-то это достаточно редкое явление,

где-то – как у нас – как говорят факты, довольно распространённое. Где-то к нему могут относиться сравнительно мягко (имея в виду, что со времен Платона и Аристотеля ничего нового под луной не создано), где-то за плагиат карают очень серьёзно. Борьбаться с ним можно различными способами. Как оценивают плагиат и какие меры борьбы предлагают наши западные коллеги? Хотел бы поделиться историей плагиата, с которым столкнулся один из ведущих западных философских журналов *Topoi*, который издаётся издательством Springer – в изложении размышлений главного редактора этого журнала Ф. Паглери [22].

В 2007 году в этом журнале была опубликована статья некоего М. Хатами. В 2014 году заметили, что эта статья содержит большие фрагменты из книги другого автора, вышедшей в 1973 году и даже не упомянутого в списке литературы. Ещё до этого эпизода в *New York Times* обсуждался феномен плагиата в периодических изданиях и высказывались разные мнения – и достаточно терпимые (кто считал, что с античности интеллектуальный прогресс едва был замечен и бессмысленно рассуждать об оригинальности современных трудов), до довольно суровых. Паглери не обсуждает проблемы оригинальности текста, а подчеркивает моральный (точнее, аморальный) аспект плагиата, а именно то, что плагиат представляет собой грех обмана. Этот грех катастрофически снижает градус доверия учёных друг к другу. А без такого рода доверия академическая жизнь ущербна (или вообще невозможна). Поэтому с плагиатом следует бороться жёстко. Как это часто случается, плагиат обнаруживается случайно, и его случаи могут широко обсуждаться в различных социальных сетях и на различных форумах. Эти обсуждения могут быть полезны. Тем не менее, замечает Паглери, «мудрость сообщества способна быстро трансформироваться в безумие толпы», а, следовательно, каждый случай плагиата должен анализироваться особо тщательно и скрупулезно.

Какие же конкретные меры предлагает учёный в качестве инструмента борьбы с плагиатом?

1. *Суровое наказание плагиатчиков.* Категорический запрет публикаций в данном журнале. Настоятельная рекомендация издательству и другим журналам более не принимать тексты плагиатчика. Составление чёрного списка лиц, допустивших плагиат.

2. *Принятие условия, что сам, и только сам плагиатчик несёт полную ответственность за своё деяние.* Мы, пишет Паглери, не можем возлагать вину за пропуск плагиата ни на рецензентов, ни на редакторов. Они представляют собой пострадавшую сторону. Журнал не может превращать рецензентов и своих сотрудников в «ищеек» плагиата («*plagiarism sleuths*»). Они, как и другие исследователи, не обладают качеством «всеведения». Превращение рецензентов в «стражей оригиналь-

ности» текстов будет разрушать основной принцип научной деятельности – доверие к коллегам, делая плагиат ещё более разрушительным, чем он представляет собой как феномен элементарной нечестности.

3. *Тщательная экспертиза фактов плагиата и при его обнаружении максимально широкая информация о плагиате.* Невиновные ни в коем случае не должны пострадать. Текстуальное совпадение поэтому должно быть самым тщательным образом выверено прежде, чем обвинять кого-то в преднамеренном плагиате, а при подозрении на плагиат автору должен быть предоставлен шанс объясниться. Не исключено, что здесь будет иметь место непреднамеренная ошибка.

Это те правила игры, которые, заключает Паглерри, должны иметь в виду все и любые авторы. Эти правила должны быть приняты и у нас. Грех плагиата необходимо искоренять».

И.А. Беляев:

«Честность и честь философа»

В русском языке слова «честность» и «честь» являются однокоренными. Очевидна также и содержательная близость понятий, речевыми репрезентантами которых выступают данные слова. Вместе с тем, нет никакого сомнения ни в принципиальной нетождественности этих понятий, ни в контекстуальной опосредованности их соотношения.

Под честностью допустимо понимать человеческую добродетель, состоящую в искренней вере в правоту собственного дела и в своё право им заниматься, в готовности нести ответственность за совершаемые действия и их результаты. Честен тот человек, который, не отступая перед правдой, имеет смелость мыслить самостоятельно [18]. Честь же представляет собой достоинство человека, осознаваемое им самим и признаваемое другими людьми. Являясь рефлексированной самостоятельностью, честь по своему содержанию может оказаться как необходимой и нравственной, так и случайной и незначительной [5].

Есть ли смысл в обсуждении особенностей честности и чести того человека, каждодневным занятием которого является философское осмысление действительности? Думается, что есть!

Философ, стремящийся постичь истину, едва ли не во всех жизненных ситуациях подобен парусному судну, плывущему против ветра. Оптимизация траектории «профессионально-жизненного движения» требует от философа постоянных разнохарактерных отклонений от прямого пути к цели. Привычка к плаванью «галсами» возникает легко, но избавиться от неё бывает трудно даже при «попутном жизненном ветре». Порой философу ничто внешнее не мешает идти прямым путём, однако он лавирует потому, что просто не склонен действовать иначе. О таких случаях можно сказать, что целевой

компонент деятельности в большей или меньшей степени смешивается с процессуальным компонентом и подменяется им. Искомая истина утрачивает здесь первостепенную важность; по-настоящему значимым критерием для оценивания всего сущего оказывается только то, «что станет говорить \\\ Княгиня Марья Алексевна» [6], в роли которой для современного философа выступает, в частности, «наукометрия как разновидность безумия» [16].

Что же касается однозначных оценочных суждений о честности конкретного философа и его чести, то здесь надо проявлять крайнюю осторожность. Ведь, в самом деле, при поверхностном взгляде вряд ли возникнут сомнения в честности и чести того человека, который рассудителен, эрудирован, способен корректно выражать те или иные выглядящие нетривиальными мысли в устной и письменной речи, то есть всецело, казалось бы, соответствует требованиям, предъявляемым к нему философией как сферой профессиональной деятельности. Тем не менее, не всё то золото, что блестит...

Честность философа находит выражение в его интеллектуальной смелости, самокритичности, обострённой нетерпимости к тому, что в наше время осторожно именуют «некорректными заимствованиями» [10] и что с юридической точки зрения может быть квалифицировано как плагиат. Подлинной философии присущ иммунитет к нечестности, философствующий же человек нередко такого иммунитета не имеет. Специфика чести философа в её нравственном и необходимом варианте заключается в стремлении добиваться успеха исключительно за счёт собственных творческих усилий. Честность и честь философа – это оборотные стороны друг друга. Философом достоин именоваться тот и только тот, чья любовь к мудрости неотделима от его честности и чести.

Анализ авторских материалов участников круглого стола наглядно свидетельствует об остроте и многомерности проблемы честного философствования. Аргументом в пользу данного утверждения является множество так или иначе перекликающихся между собой аспектов обсуждавшейся проблемы, акцентированных авторами, а также ярко выраженная неоднородность содержательного наполнения и жанрово-стилистических характеристик представленных ими материалов. Теоретическая и практическая значимость изложенных здесь идей несомненна. Однако нельзя не отметить, что зафиксированный опыт осмысления честного и противостоящего ему бесчестного философствования – это только исходный, крайне небольшой, в сущности, шаг по пути к концептуализации представлений о поддержании достоинства человека, стремящегося обозначить себя в сфере деятельной любви к мудрости и прочно укорениться в ней.

Литература

1. Алексеев, П.В. Власть. Философия. Наука / П.В. Алексеев. – Москва: Проспект, 2014. – 448 с.
2. Бажанов, В.А. Наука как самопознающая система / В.А. Бажанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 184 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая / Г.В.Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 349 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 480 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Искусство, 1969. – Т. 2. – 326 с.
6. Грибоедов, А.С. Горе от ума / А.С. Грибоедов. – Москва: Наука, 1987. – 479 с.
7. Иванов, А.В. Университетские лекции по метафизике / А.В. Иванов, В.В. Миронов. – Москва: Современные тетради, 2004. – 647 с.
8. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
9. Конш, М. Философская ориентация / М. Конш. – Санкт-Петербург: Наука, 2012. – 274 с.
10. Котляров, И.Д. Некорректные заимствования: сущность, проблемы оценки и методы противодействия / И.Д. Котляров // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 5 (36). – С. 23–32.
11. Левинас, Э. Время и Другое / Э. Левинас. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1992. – 185 с.
12. Ленин, В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – Москва: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – Март-сентябрь 1913. – С. 40–48.
13. Миронов, В.В. Наукометрия как разновидность безумия / В.В. Миронов // Сократ. Журнал современной философии. – 2016. – Сентябрь. – С. 8–11.
14. Рахматуллин, Р.Ю. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии / Р.Ю. Рахматуллин, Э.Р. Семенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4–1 (66). – С. 151–153.
15. Роллан, Р. Ignavia est jасеге... (Письмо швейцарским студентам) // Собрание сочинений: в 14 т. / Р. Роллан. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 13. – С. 124–129.
16. Шестов, Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше / Л. Шестов // Ницше pro et contra. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. – С. 335–437.
17. Bazhanov, V.A. Shadow science in the Soviet Union / V.A. Bazhanov // Philosophy and Social Action. – 1991. – Vol. 17. – Vol. 3–4. – pp. 89–99.
18. Paglieri, F. Reflections on Plagiarism / F. Paglieri // Topoi. – 2015. – Vol. 34. – pp. 1–5.